

«Все мужчины - действительно извращенцы. Все говорят, что Маленький Директор Чэнь устойчив к женскому шарму, но теперь, похоже, что это ложь. Разве ему не потребовался лишь взгляд на Святую Деву, чтобы увидеть, насколько прекрасной она была, и вмиг наполниться раскаянием?»

Все люди, говорившие подобные слова, были домохозяйками.

«Кто смог бы увидеть внешность Святой Девы и все еще сохранять такое железное сердце? Более того, у Маленького Директора Чэня и Святой Девы изначально была помолвка - как бы он смог контролировать себя?»

Те, кто осторожно объяснял отношение Чэнь Чаншэна, но чьи слова были довольно поддразнивающими, все были мужчинами.

«Скажи мне, как ты думаешь, почему Сэр Директор сыграл в дурака и настаивал на разрыве помолвки?»

«Кто сказал, что Директор разорвал помолвку? Разве это не просто слух без единой крупы доказательств?»

«Новости уже давным-давно пришли из Дворца Ли. В Зале Покорения нет ни тени того брачного контракта».

«Разрыв помолвки вот так просто взяли и совершили?»

«Мне просто интересно узнать, что же произошло тогда».

«Это очень длинная история. Говорят, что весной два года назад Директор прибыл в столицу из деревни Синин и постучал в дверь поместья Божественного Генерала Востока...»

«Хм, хм, получить такое унижение в поместье Божественного Генерала, получить давление в такой манере, даже я не смог бы выдержать этого, не то что Директор».

«Позднее Директор работал с выдержкой и усердием. То, что ему так везет сейчас, может быть связано с тем, что его слишком много провоцировали в самом начале. Теперь, когда он в такой позиции авторитета, он определенно должен развернуться и дать хорошую пощечину по лицу поместья Божественного Генерала. Ах, как говорится, не обижайте бедную молодежь; если мы приложим усилия в учебе и культивации, в будущем мы тоже сможем действовать с такой отвагой и дерзостью».

«Но... судя по этим слухам, разве Директор не сожалеет о своем решении? Разве это не просто давать пощечину самому себе по лицу?»

«Ты - тот, кто сказал это».

Вышеприведенный разговор состоялся между студентами Ортодоксальной Академии.

Повышение уровня культивации приносило много преимуществ, но и так же создавало много неожиданных раздражений. Например, пять чувств становились намного более острыми, так что, даже если домохозяйка на рынке прикрывала рот, давая комментарии, или это был мужчина-сосед, сияющий улыбкой и тихо издевающийся над кем-то, или даже если это были

собственные студенты, которые тихо перешептывались, их было громко и ясно слышно.

Чэнь Чаншэн сидел в повозке, выглядывая из окна на дрейфующий снег. Он казался очень спокойным и лишь по его немного сжатым рукам можно было видеть, что он действительно был довольно смущенным.

Танг Тридцать Шесть попросил кого-то сопроводить танцовщицу домой, а затем сел напротив Чэнь Чаншэна. Когда он увидел выражение лица юноши, на его лице появилась ухмылка.

Казалось, что Чэнь Чаншэн был сосредоточен на снеге, но в действительности он был глубоко озабочен реакциями вокруг него. С того дня, как этот слух начал распространяться по столице, юноша стал довольно чувствительным.

«О чем это ты улыбаешься?»

«Смеюсь над твоей глупостью».

Повозка вновь затихла, в ней наступила смущающая тишина. Танг Тридцать Шесть сказал с невероятным презрением: «Тогда, в Таверне Сливого Сада, я сказал, что ты и Сюй Южун - люди, которые лишают других дара речи. Теперь, как я погляжу, вы двое - также модели того, как принести самим себе катастрофу».

Каждый раз, когда они говорили об этом, простые слова Танга Тридцать Шесть лишали Чэнь Чаншэна дара речи.

Так как ему было нечего сказать об этой ситуации, он лишь мог сменить тему. Он очень серьезно спросил: «В то время я однажды попросил Лоло помочь мне провести расследование об эльфийской девушке из Сада Чжоу. Теперь, так как я знаю, что это ошибка, я хочу написать ей письмо и рассказать об этом, но мне также кажется, что это будет неправильно. Что ты думаешь?»

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него и презрительно сказал: «О чем я думаю? Если бы ты даже не подумал, что это неправильно, то ты и правда был бы свиньей»,

«Тогда что мне делать?»

«Я напишу письмо Принцессе Лоло, а затем ты можешь упомянуть это в письме».

Танг Тридцать Шесть предложил свою собственную идею.

Чэнь Чаншэн подумал о том шепоте, который слышал снаружи поместья Принца, и все равно чувствовал себя довольно подавленным. Он спросил: «Почему она не соглашается с тем, чтобы я пошел в поместье Божественного Генерала и сделал предложение?»

«Предложение? - Танг Тридцать Шесть посмотрел на него и спросил. - И?»

Чэнь Чаншэн заявил, как будто это было верно и неизбежно: «Я пойду сделаю предложение, а затем она согласится, и тогда эти слухи и сплетни придут к концу?»

Танг Тридцать Шесть спросил: «Как ты думаешь, по какой причине она согласится выйти за тебя?»

Юноша замер, думая, неужели есть необходимость думать?

«Если ты пойдешь в поместье Божественного Генерала Востока, чтобы сделать предложение, согласится ли Сюй Шицзи? Или ты говоришь, что рассчитываешь на то, что сама Сюй Южун будет настаивать? - злобно сказал Танг Тридцать Шесть, - ранее ты плакал и просил аннулировать помолвку, а теперь ты хочешь, чтобы она плакала и звала тебя выйти за нее замуж? Почему бы тебе не задуматься, насколько бесстыжим будет, если она сделает это?»

Чэнь Чаншэн и правда не подумал об этом вопросе. Теперь, когда он подумал, он действительно находил это разумным.

«Тогда... что мне делать?»

«Все эти комментарии и насмешки похожи на танцующие снежинки - ты должен терпеть, выдерживать их, пока она не посчитает, что этого достаточно, и не начнет симпатизировать тебе».

.....

.....

Из-за слияния севера и юга, а также этих слухов, распространяющихся по столице, для Чэнь Чаншэна и Сюй Южун становилось все труднее встретиться.

Он смотрел в снежное небо в некотором ступоре, пока думал, когда эти дни придут к концу, и вдруг получил письмо без имени.

Это не было письмо Су Ли, это было письмо Сюй Южун. Когда он стоял у заснеженного озера напротив новоотстроенной стены академии и закончил читать письмо, уголки его губ приподнялись, выдавая улыбку, которая исходила от его сердца. Затем юноша направился в библиотеку, и под удивленными взглядами студентов взял кисть и быстро составил письмо.

Это письмо не было ответом, это было письмо Попу.

В нем юноша писал, что для приготовлений к Саммиту Кипящего Камня в следующем году он хотел стабилизировать свою культивацию. Для того, чтобы возложить основание для Конденсации Звезд, он желал войти в Мавзолей Книг еще раз, чтобы изучать монолиты и познавать Дао.

В ночь того самого дня он получил ответ Попа. В письме Поп давал ему похвалу и был рад слышать о его стремлении учиться, желая ему всего лучшего в его повторном входе в Мавзолей Книг для изучения монолитов и познания Дао. Наконец, Поп написал, что, если в будущем он захочет попасть в Мавзолей Книг, ему лишь потребуется записать это во Дворце Ли. Не было необходимости писать особое письмо Попу.

Читая слова в этом письме, Чэнь Чаншэн наконец-то ощутил реальные изменения.

Мавзолей Книг не был местом, в которое можно было войти, если просто захотеть. Чтобы получить квалификацию для входа в Мавзолей Книг, у культиваторов континента было два варианта. Они могли вступить в кровавый бой с демонами на севере, чтобы медленно накапливать военные заслуги, или они могли стремиться заполучить высокий ранг в Великом Испытании и попасть в три баннера, но в конечном итоге лишь немногие люди могли получить эту квалификацию.

Для него в настоящем Мавзолей Книг был местом, в которое он мог входить тогда, когда ему

захочется.

Он уже не был молодым даосским мальчиком из деревни Синин.

Он был Директором Ортодоксальной Академии, боевым племянником Попа, будущим Попом.

Он все еще был очень молод, но уже был важной фигурой.

.....

.....

Тяжелые каменные двери медленно открылись, из-за чего земля затряслась.

Увидев гору-мавзолеей перед собой, который все еще был зеленым глубокой зимой, Чэнь Чаншэн вспомнил время год назад, когда землю начало трясти здесь.

Когда эти священники и кавалерия, охраняющие Мавзолей Книг, увидели юношу, который стоял перед несколькими кардиналами, они догадались, кем он был, и испытали довольно сложные чувства к нему.

Чэнь Чаншэн вошел в Мавзолей Книг, в этот раз, не как турист, и не как изучающий монолиты, а скорее, как инспектор.

Из-за уважительного отношения, продемонстрированного этими кардиналами рядом с ним, это чувство казалось еще более реальным.

Он отказался от резиденции, которую Дворец Ли подготовил для него, и направился прямо в соломенную хижину, оставленную Сюнь Мэем.

Соломенная хижина в течение долгого времени пустовала, а края кастрюль были довольно пыльными. Сушеное мясо, подвешенное на балке, не было полностью съедено. С другой стороны, забор во дворе был намного более крепким, чем ранее, но он не знал, кто его исправил, Танг Тридцать Шесть или Гуань Фэйбай.

Пока он думал о тех днях приготовления пищи, наблюдения за солнцем и изучения монолитов, юноша испытал небольшое чувство ностальгии. Он каждый день мог видеть Танга Тридцать Шесть и Чжэсю в Ортодоксальной Академии, но уже почти прошел год с тех пор, когда он в последний раз видел Гоу Ханьши и других, и он не знал, как у них были дела в Горе Ли.

Из-за забора раздался голос. Возможно, потому что химонанты в лесу только начинали цвести, от них исходил отчетливый и холодный аромат.

«Это резиденция Господина Сюнь Мэя?»

Чэнь Чаншэн пришел в себя от воспоминаний и развернулся, видя Сюй Южун, которая стояла за забором.

В лесу за изгородью цвели химонанты. Стоя там с утренним светом, проливающимся на нее, она казалась прекрасной, как цветок.

Чэнь Чаншэн в настоящее время мог входить в Мавзолей Книг, когда пожелает. Как Святая Дева, она, естественно, тоже могла.

Он сказал: «Да, в то время мы оставались тут в течение очень долгого времени».

Сюй Южун обошла изгородь. Изучая крайне ветхую соломенную хижину в утреннем свете, она спокойно сказала: «Бывает времена, когда мне очень интересно: в то время ты и мои старшие братья из Секты Меча Горы Ли были подобны огню и воде, но были вынуждены жить под одной и той же крышей. Как может быть, что вы не сражались каждую ночь?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Гоу Ханьши - сдержанный и осторожный джентльмен».

Сюй Южун ответила: «Но у Старшего Брата определенно нет такого же хорошего нрава».

Чэнь Чаншэн подумал об их первой ночи, когда Танг Тридцать Шесть и Гуань Фэйбай дрались за чистый набор простыне и почти начали кулачный бой, и начал улыбаться.

«Великое Испытание начнется лишь завтра. Мавзолей Книг все еще должен быть очень тихим».

Он посмотрел на Сюй Южун и похвалил: «Это действительно было хорошей идеей».

Столица была переполнена этими слухами. Хотя они в основном дразнили Чэнь Чаншэна, это также представляло определенные осложнения для Сюй Южун.

Для них было довольно сложно встретиться, а спокойно поговорить вместе было еще сложнее. Ее письмо, приглашающее его в Мавзолей Книг, действительно было фантастической идеей.

Конечно же, использовать Мавзолей Книг, в который все культиваторы мира с трудом попадали и желали оказаться тут, как место для свидания, было действительно абсурдно.

Это также было что-то, что лишь она и он могли позволить себе.

Видя, что он понял ее намерения и даже произнес это вслух, Сюй Южун почувствовала себя немного пристыженной, но она не злилась.

Потому что, когда Чэнь Чаншэн говорил эти слова, его глаза были кристально ясными, а выражение его лица - очень искренним.

Он горел страстью, но когда он был спокоен, его глаза были очень яркими, но они не обжигали других.

Цюшань Цзюня можно было назвать солнцем, дающим тепло и жар, невероятно открытым и искренним.

Чэнь Чаншэн был освежающим бризом.

Все любили солнце.

Но она больше любила освежающий бриз, который окружал ее, пока она прогуливалась.

Столица глубокой зимой была десятью тысячами ли серебра, но Мавзолей Книг все еще был зеленеющим и цветущим.

Когда они вошли в лес мавзолея, их встретил весенний ветер, восхитительно освежающий ветер.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун шли по горной тропе, направляясь к хижине Отражающего Монолита.

Посреди горной тропы появился мужчина средних лет, преграждая им путь.

Его глаза были глубокими и умиротворенными, а его уровень культивации явно был экстремально высоким. Пока он смотрел на Чэнь Чаншэна, его глаза содержали безграничный холод. Если внимательно присмотреться, то даже можно было заметить немного ненависти.

.....

.....

<http://tl.rulate.ru/book/1222/153207>